

Инна Балтийская
Под диктовку Альцгеймера

Инна Балтийская

Под диктовку Альцгеймера

«Автор»

2018

Балтийская И.

Под диктовку Альцгеймера / И. Балтийская — «Автор», 2018

Биолог Эльвира разрабатывает лекарство от болезни Альцгеймера, чтобы спасти свою мать, на глазах теряющую остатки разума. Но пока она поглощена наукой, бывший муж похищает дочерей и уезжает в другую страну. Эльвира узнает, что он покончил с собой и, судя по оставленной записке, убил дочерей. Теперь в жизни ее держит только наука, но и в ней нельзя найти утешение – новое лекарство срочно нужно влиятельным людям...

© Балтийская И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Эльвира	5
Глава 2. Зоя	9
Глава 3. Эльвира	14
Глава 4. Зоя	19
Глава 5. Эльвира	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Инна Балтийская

Под диктовку Альцгеймера

Глава 1. Эльвира

Он метался по комнате почти до самого утра, словно загнанный зверь. Успокоиться не получалось, сама мысль о том, что можно лечь, попытаться закрыть глаза, расслабиться и погрузиться во мрак, вызывала ужас. Казалось, что сон отнимает те крупницы времени, которые ему остались. Крупницы интересной, осмысленной жизни, которая не так давно стала приносить ему удовлетворение. Много лет он, мальчик из небогатой семьи, пробивался на самый верх, менял политические партии, заключал договоры с мафиози, а иногда и, казалось с самим дьяволом – и ведь достиг практически вершины! И небольшая рассеянность была вполне простигательна большому человеку, в конце концов, для запоминания существовали секретари... Но он все сильнее нервничал, забывая назначенные встречи, о которых ему напоминали, конечно... но он не мог вспомнить, когда с кем должен был встречаться!

Разумеется, вначале все это казалось ему смешным, и про ослабление памяти он какое-то время рассказывал анекдоты в кругу близких... пока не понял, что часто забывает даже то, с кем вчера ужинал. И ужинал ли вообще. А на медицинском обследовании, после обстоятельного разговора с невропатологом, ему сделали анализ крови на новейшем реактиве. Результат его не удивил, словно он подсознательно ждал приговора. Болезнь Альцгеймера, и далеко не самое ее начало. Амилоидные бляшки резали его мозг, шинковали, словно капусту для засолки, и остановить их было нечем. Ему недолго осталось наслаждаться властью и положением. Еще два, самое большее три года – и он будет забывать лица своих родных и знакомых. Перестанет адекватно реагировать на журналистов, разучится читать и писать... Нет!!! Этого просто не может быть. Не может быть, что через пару лет он превратится в бессмысленное существо, не отличающееся по интеллекту от мартышки. Должно быть лекарство от этой болезни. Пусть оно будет недоработанным, с побочными эффектами – но он должен его получить. Даже если принимать его будет рискованно – ему уже нечего терять.

* * *

– Элька, я сижу тут совсем голодная, ты решила меня уморить?

– Мама, ты только что пообедала. – устало ответила я, не оборачиваясь. Сзади слышались шаркающие шаги, и моя еще не старая матушка приблизилась к дивану и больно схватила меня за шею.

– Ты мать заморить хочешь, знаю! – прошипела она. – Когда это я обедала, я весь день одна дома сижу. Знаю, я в тягость тебе, память уже не та. Но кормить меня ты обязана, а не то я до президента дойду!

Я нащупала ногой убежавший тапок, встала и отправилась на кухню. Разумеется, на круглом кухонном столике, покрытом одноразовой клеенкой, стояли две огромные грязные тарелки с остатками бульона и костями от куриных ножек. Клеенка была покрыта жирными разводами, над которыми уже кружила толстая навозная муха. Мама в последнее время ела без помощи столовых приборов, руками, разбрызгивая суп или жир по сторонам, и клеенку мне проще было выкинуть, чем отмыть. К счастью, дефицита клеенок в аптеках не было, но вот дополнительной курицы в холодильнике на нашлось. А заставить мать вспомнить, что поела она полчаса назад, не было никакой возможности. Поэтому я просто заварила в большой чашке паке-

тик чая, развела там таблетку снотворного, и вернулась в комнату, где мама, растекшись по креслу, немигающим взглядом смотрела в приятно мигающий голубой экран.

– Мамочка, сейчас я накрою на стол, а ты выпей пока чайку.

Она машинально протянула руку, взяла чашку и, не донеся ее до рта, начала очередную обличительную речь:

– Я знаю, ты давно бы меня потравила, но мою пенсию транжиришь. Думаешь, если я не помню, где была вчера, то и про пенсию забуду? А ну вертай мои деньги, воровка!

– Да-да, верну, все верну. – спорить было бесполезно. Да и зачем? Через час она все равно не вспомнит мои аргументы. – Ты только чайку выпей, и я пойду за деньгами.

– Нет, немедленно возвращай! – она воинственно взмахнула чашкой, горячий чай выплеснулся на ее ветхий халат, но она даже не вздрогнула. – Я перепрычу так, чтобы ты за ночь не нашла. Думаешь, не знаю, что ты ночами мой потолок перерываешь? Думаешь, я сплю! Нет, я все вижу. И все помню! Как тебя зовут, отвечай?

Я отвернулась и молча вышла на кухню. Опустилась на жесткую табуретку возле загаженного супом стола и закрыла руками лицо. Надо было вымыть посуду. Надо выбросить клеенку, вымыть стол... Надо прибрать крошечную кухню, где я провожу вечера... Но из меня словно выпили всю кровь. Я пока не жаловалась на память, и мамини слова звенели в голове, вызывая эхо, словно отражаясь от стеклянных стен. Бедная, она не помнит почти ничего. Но я тоже хочу забыть, о, я тоже хотела бы не помнить о том, что случилось всего лишь полтора года назад. Но забыть это невозможно – или надо, как моя бедная мама, выбросить на помойку всю свою предыдущую жизнь.

А ведь еще три года назад я была счастлива. Ну, почти счастлива. Альцгеймер тогда уже подкрался близко к маме, она с трудом вспоминала, что надо купить в магазине, утром оставляла в ванной открытым горячий кран, а потом доказывала обваренным кипятком соседям, пытающимся вынести нашу дверь, что она только что пришла из магазина, к крану не подходила, а в квартире в ее отсутствие, видимо, орудовали злоумышленники.

Но я упрасивала соседей понять и просить, выплачивала им деньги на ремонт, закупала продукты, которые мама то ли забыла купить, то ли оставила на прилавке магазина уже после оплаты. и возвращалась в свою семью, где меня ждали любимый муж и две пятилетние дочки-близняшки. Пухленькие девочки радовались моему появлению, а Антон каждый вечер читал мне длинную мораль, последовательно разъясняя, как я должна была прожить этот день, какие неотложные дела выполнить, и как запротоколировать сделанное. У него было множество самых разнообразных правил на все случаи жизни: на какой полке в холодильнике должны лежать сосиски, а на какой – пельмени. Как и во сколько мы с ним должны ужинать и завтракать, сколько времени и когда дети должны играть. Все делалось в соответствии с жестким расписанием.

Во сколько бы я не возвращалась с работы, в 19 часов и не позже дети садились за стол в большой комнате, которая служила одновременно гостиной и нашей с мужем спальней. Сидеть за столом можно было ровно полчаса, и неважно, успевали ли малышки за это время доесть все, что лежало на тарелке – задерживаться Антон запрещал. Потом дети шли умываться, надевали пижамы, я должна была ровно двадцать минут читать им сказку по выбору Антона, и в 20.30 я должна была выключать свет. И горе мне, если я задерживалась хоть на пару минут.

Когда-то именно за эту педантичность я и полюбила Антона. Она казалась мне надежностью, той крепостью, в которой можно укрыться от жизненных невзгод. Он приходил на свидание секунда в секунду. У него всегда была четко расписана программа развлечений, и ни одна минута наших встреч не проходила зря. После свадьбы он настоял, чтобы мы с ним ушли от родителей и снимали квартиру. Причем, квартира нам нужна была сразу двухкомнатная – мудрый Антон предвидел скорое рождение ребенка. Мы сняли крошечную хрущевку на окра-

ине города, довольно дешево по московским меркам, но и эта сумма пробила жуткую брешь в нашем совместном бюджете. Я еще училась на биофаке, получая небольшую стипендию, Антон только начинал работу айтишником в компьютерной фирме. Денег не хватало ни на что, но квартиру мы все же сняли, и ни разу не пожалели об этом. Думаю, не помереть голодной смертью нам удалось лишь благодаря четко составленному списку покупок – там расписано было все, включая количество чайных пакетиков на месяц. А когда родились близняшки, не спящие подряд более двух часов, только строгое расписание Антона спасало меня от безумия. Надо отметить, что и к себе он относился не менее строго. И раз уж написал, что вторую половину ночи детей укачивает на руках сам, то ни разу за год не отступил от этого правила, как бы ему ни хотелось спать.

Девочки – Анна и Алиса, Аня и Аля – получились просто загляденье. Антон был высоким блондином с арийски невозмутимым лицом и голубыми глазами, настолько светлыми, что иногда казались прозрачными. У меня же к каштановым волосам прилагались чуть раскосые карие глаза – наверное, где-то рядом с моей семьей пробежали татаро-монголы. У дочек же глаза были карими, и, оттененные длинными белокурыми локонами они казались черными, как горький шоколад. Мамочка считала их невероятными красавицами, и они с Антоном даже подружились на почве взаимного согласия. Тогда мама была еще бодрой молодой пенсионеркой, и легкая забывчивость лишь придавала ей очарования. Свекровь и младший брат антона навещали нас редко – наверное, я не нравилась свекрови, но она это никогда не выражала вслух. Мне казалось, что у меня просто идеальная семья, и иногда даже становилось страшно за свое ничем не замутненное счастье.

И лишь через полтора года, когда девочки немного подросли, а я вышла на работу, обнаружилось, что любовь Антона к порядку не так хороша, как думалось вначале. Любое отклонение от расписания вызывало у Антона приступы гнева, которые выражались не криком, а долгими, выматывающими душу нотациями. Иногда разбор моих полетов длился всю ночь, а наутро я шла в свой институт молекулярной биологии, куда с таким трудом смогла устроиться после биофака, и где меня терпеливо ждали полтора года после декрета, и спала прямо на ходу.

Но до поры до времени я терпела. Моя любовь к Антону была еще жива, к тому же, дочери не чаяли в нем души. Каждый вечер после обязательной сказки он приходил в их комнату, подтыкал одеяльца и целовал в лобик. Каждую субботу брал обеих девочек и на весь день уходил в какой-нибудь парк аттракционов, велел мне убрать квартиру – разумеется, по всем правилам. Мешать их прогулке мне не позволялось. А в воскресенье мы гуляли вместе, или выезжали куда-то на природу. Строго по расписанию, и никакой дождь или снег не мог помешать пикнику на озере, если уж он был запланирован на прошлой неделе... Девочки гуляли чуть ли не босиком по снегу, но, как ни странно, особо не болели. Видимо, суровая закалка шла им на пользу. А вот я почти не вылезала из затяжных трахеитов с бронхитами.

И вот два года назад мой научный руководитель, возможно, с моей подачи, занялся исследованием болезни Альцгеймера. Пока причины ее возникновения тонули в густом мраке, но у меня, словно лучик света во мраке тоннеля, появилась слабая надежда. Если можно найти причину болезни, то ее можно будет и вылечить! Возможно, это случится нескоро, но ведь бывают в жизни и чудеса. Вдруг мою маму еще можно успеть спасти? Вернуть ее настоящую личность, ту милую, слегка легкомысленную мамочку, которая, мне хотелось верить, скрывается где-то далеко, за изрезанным амилоидными бляшками мозгом.

Но пока маме становилось все хуже. Блокаторы нового поколения на нее не действовали, не говоря уж о старом добром Ноотропиле. По вечерам она начала выходить из дому и теряться в пространстве. Добрые люди помогали ей звонить мне с мобильного, который я раз в два дня заряжала и совала в карман единственного пальто, которое она надевала в любую погоду. Она звонила почти ежедневно, и я, не дочитав обязательную сказку и не обращая внимание на злобные окрики мужа, бросалась на ее поиски. А по ночам слушала бесконечные, изматыва-

вающие нотации. Я понимала, что причиняю мужу невероятные моральные страдания. В его четком расписании никаких внеплановых выходов из дому быть не могло. Если мать сошла с ума, ее надо поместить в сумасшедший дом и забыть о проблеме. И я никак не могла ему растолковать, что болезнь Альцгеймера пока неизлечима, и на время лечения в клинику такого больного не берут. На дорогой французский пансионат с полным медицинским уходом денег у нас с Антоном не было – один месяц там стоил как две наши с ним зарплаты. АК ведь за съемное жилье мы по-прежнему платили, и немало. Отдавать же мать в государственную богадельню я не согласилась бы под страхом расстрела.

Я пыталась найти сиделку, но на это «баловство» Антон деньги давать отказался, хотя зарабатывал к тому времени уже прилично. Он настаивал на отделении в психоневрологическом диспансере, уверяя, что там о больных вполне прилично заботятся. Но я бывала в этих отделениях, и честно скажу – не хотела бы я там очутиться на старости лет... Я стала откладывать деньги со своей невеликой зарплаты, но на эти сэкономленные копейки мне удалось найти только какую-то пенсионерку, которую мама через три дня обвинила в похищении дешевой брошки из бисера и потребовала немедленно вызвать полицию. Я обыскала дом и нашла брошку в хлебнице, но, как говорится, осадок остался. Пенсионерка тем же вечером нас покинула, разумеется, удержав задаток и сообщив, что я еще и должна ей за моральный ущерб. И я продолжала бегать по вечерним улицам, разыскивая заблудившуюся мать. К этому прибавилась внезапно возникшая у нее подозрительность – теперь она не открывала двери залитым соседям и даже приходящим как на работу в ее квартиру сантехникам. И объясняться со всеми ними приходилось мне.

Нотации по ночам стали регулярными, иногда за ночь мне не удавалось поспать и часа. Антон говорил, что я не ценю его, не люблю своих детей. Мне надо определиться, мне надо отказаться от сошедшей с ума матери. А в одно прекрасное утро, посмотрев на мои полузакрытые от бессоницы глаза, руководитель лаборатории, профессор Шульман, спокойно сказал:

– Эля, я все понимаю. У тебя семья, дети... Но наукой ты в таком состоянии заниматься не можешь. А я не могу держать в лаборатории лишних людей. Подавай заявление по собственному.

Но я, немного подумав, подала на развод.

Глава 2. Зоя

Зоя вздрогнула от звука дверного звонка. Но нет, эту квартиру она сняла совсем недавно, ее преследователь просто не успел бы ее вычислить! Но кто может звонить так поздно, после девяти вечера не лучшее время для гостей. Но может быть, что-то забыла квартирная хозяйка? Зоя взяла себя в руки и подошла к двери:

– Кто там?

– Служба доставки. – холодно ответили из-за массивной железной двери. Такой надежной, закрывающейся на щеколду изнутри, и с оптическим глазком, который увеличивал стоящего на площадке. Эта дверь послужила основным доводом в пользу аренды именно этой, совсем не дешевой квартиры.

Зоя долго смотрела в глазок на невысокого мужчину в синей форме, пока он, не потеряв терпение, снова не начал звонить. Тогда она глубоко вздохнула и открыла дверь.

– Чего так долго? – грубо спросил курьер. – У меня еще шесть заказов, а время к ночи! Распишитесь вот тут.

Он ткнул в руки женщине большую записную книжку, раскрыв ее примерно на середине. Она машинально поставила закорючку напротив своей фамилии, после чего ей вручили тяжелый серый сверток. Она открыла было рот, чтобы спросить, кто отправитель, но курьер, не дожидаясь лифта, уже спускался по лестнице, и она не решилась кричать вслед. Закрыв дверь и задвинув щеколду, Зоя решила развернуть посылку прямо в коридоре. Она села на черно-белую потертую скамеечку с плюшевой обивкой, аккуратно развязала красивую веревочку цвета шоколада, развернула серую оберточную бумагу... Просочившись на ее пальцы и стекая по нарядному золотистому халату, на пол закапала густая красно-бурая жидкость.

От неожиданности она разжала руки, и с глухим чмоканьем сверток упал на пол. Несколько уже ничем не связанных слоев бумаги развернулись, и сочный кусок сырого мяса в полумраке коридора показался ей черным.

Охнув, она, как была в домашнем халатике, бросилась к двери, с трудом отодвинула щеколду и выбежала на лестницу. Разумеется, курьера уже и след простыл, но она сбежала с четвертого этажа, бросилась на улицу, рассчитывая если не догнать посыльного, то хоть увидеть номер машины, в которой он приехал. Но на улице не было ни души. Лишь у тротуара стояли парочка припаркованных машин, которые она видела еще утром.

Она в растерянности покрутила головой... но ведь прошло пара минут, не больше, куда же делся курьер? Между двумя рядами многоэтажек еще зеленела слегка пожухлая от первых холодов трава, но на огромной клумбе с чисто декоративными редкими кустиками на обочине спрятаться было решительно невозможно. Несмотря на полумрак, клумба прекрасно просматривалась, как, впрочем, и проходы между высотками. Внезапно внимание женщины привлекло небольшое деревце неподалеку от подъезда, на котором что-то висело.

Пытаясь заглушить внутренний голос, убеждавший ее не подходить к деревцу и срочно возвращаться домой, она на подгибающихся ногах подошла к деревцу. На уроне глаз показывался какой-то крупный продолговатый предмет, с которого свисал белый лист бумаги с крупно напечатанными буквами. В темноте она не сразу разобрала, что этот предмет... это висящее существо было черным котом с белым воротничком, которого она подкармливала те пару дней, которые прожила в этом доме. Кот был повешен на прочной бельевой веревке, его такая умильная еще утром мордочка была перекошена предсмертным воплем, а на одну из скрюченным лапок и была приделана белая записка.

Зачем-то достав из кармана телефон, Зоя посветила на сливавшиеся в глазах буквы: «Ты будешь следующей!»

Ее билa крупная дрожь, но не от холода. В тот момент она вообще забыла, что на дворе октябрь, а на ней – лишь шелковый халатик, заляпанный кровью. Теперь она боялась возвращаться домой. Значит, преследователь достал ее и здесь, на этой квартире, снятой всего пару дней назад! Она никому не сообщала новый адрес, даже родной сестре. Не помогло! Но теперь у нее есть доказательства, теперь полиции не удастся обвинить ее в том, что она выдумывает угрозы!

Она позвонила по номеру, который помнила наизусть:

– Капитан Дивинский, мой преследователь снова проявился! Нет, я не придумываю. Умоляю, пришлите патруль, у меня есть доказательства! Да-да, вещественные!

Она почувствовала жгучий холод, ветер продувал насквозь, но она не могла себя заставить даже зайти в подъезд. Лишь когда приехали два медлительных полицейских и сняли с ветки несчастного кота, она, тихо всхлипывая, пошла вслед за ними в дом. Показала валяющийся на полу кусок мяса, упросила проверить квартиру, полчаса стоявшую незапертой, и лишь тогда бросилась на кухню и схватила стоящую на подоконнике бутылку коньяка. Она пила прямо из горла, давась слезами и коньяком, который сегодня даже не обжигал, как обычно, гортань.

Наконец, тепло разлилось по телу, крупная дрожь начала стихать, и она снова начала звонить капитану:

– Вам доложили? Теперь вы мне верите?

– Гражданка Рахманинова, вы же сами врач. – вкрадчиво сказал капитан. – Вы хоть понимаете, что я лишь из сострадания не даю делу ход? Сегодня вы повесили кота и бросили на пол кусок мяса. А завтра пырнете кого-то ножичком? Я должен отправить вас в психушку на экспертизу, а вместо этого по телефону беседую.

Она в ужасе молчала. Что он несет, этот сосунок-капитан? Кто повесил кота? Там же была записка, там угроза была!

– Но кота повесил маньяк! Я люблю котов, я их кормлю!!! – что она несет, ей надо подбирать слова, не может быть, что ей не поверят. – Капитан, сегодня мой преследователь перешел все границы. Ну неужели вы думаете, что я могла сама все это проделать?

– Ну картинки-то вы рисовали. – равнодушно ответил Дивинский. – Словом, обратитесь по месту работы, пусть вас коллеги полечат. А мне не звоните больше. Я то я вам обследование организую.

В трубке раздались гудки, показавшиеся ей похоронным маршем. Вот значит как. От звонков с угрозами и страшных картинок, которые она находила на лобовом стекле соседских машин, ее преследователь перешел к убийствам. Пока только кота... но ведь он обещал, что следующей будет она!

Зоя села на теплый кухонный пол и зарыдала. Как все это вообще могло с ней произойти?

С самого детства она отличалась недюжинным любопытством. Сначала разбирала на части кукол и игрушки, затем заинтересовалась человеческой психикой – самым сложным, что существовало в этом загадочном мире. Она играючи закончила школу, с красным дипломом поступила в медицинский, а специализацией выбрала психиатрию.

В 25 лет она, красивая мانيатюрная брюнетка, пришла в интернатуру в психоневрологический диспансер, и тут же очаровала средних лет профессора. Несмотря на свой почтенный возраст, он выглядел отлично, прямо хоть в кино его снимай – высокий шатен с копной густых волнистых волос, широкоплечий, подтянутый, с обаятельной голливудской улыбкой. Да и имя было вполне голливудское – Ричард.

Разумеется, профессор был женат, но влюбленная девочка не смогла ему отказать. А через некоторое время выяснилось, что жена красавца-психиатра согласна на развод, и Зоя как-то неожиданно для себя стала профессорской женой.

Следующие несколько лет прошли как в сладком сне – отличный муж, законченная интернатура, поступление в аспирантуру, интересная работа, о которой она мечтала со школы. Единственное, что огорчало – Ричард не хотел иметь детей.

– Солнышко, один сын у меня есть. – как то сказал он ей, когда они как-то вечером пили сладкое красное вино. На маленькой кухоньке горели лишь крошечные настенные светильники, освещая низкий продолговатый столик с двумя бокалами, уютная темнота развязала ей язык, и она призналась мужу, что давно мечтает о собственной ляльке. Ей даже сны о детях начали сниться, и там она тискает крошечную дочурку, там похожую на Ричарда... Но муж не растрогался.

– Я не хотел тебе говорить, ... но мне нельзя иметь детей. – Ричард говорил немного грустно, но вполне уверенно. – Мой сын инвалид с детства, не дай Бог тебе узнать, что это такое – тяжелобольной ребенок. Я проверялся – это генетический брак, и дело во мне, жене просто не повезло. Но больше никого делать несчастными я не стану.

– Но есть же разные методы... – растерялась Зоя. – Можно же ЭКО сделать, проверить эмбрионы...

– Девочка моя, ты же сама врач. – муж улыбался одними губами, взгляд был пристальным и холодным. – Эмбрионы проверяются лишь на некоторые синдромы. Большинство генетических болезней на этой стадии не определяются.

Она готова была рискнуть, но Ричард, намучившись с больным сыном, на этот риск не соглашался. Они спорили долго, и в конце концов Зоя сдалась. Сны о детях продолжались, но теперь стали какими-то безнадежными, дети во сне постоянно плакали, и под утро Зоя сама просыпалась в слезах.

Впрочем, вскоре эти сны начали казаться ей самой мелкой из возможных огорчений. Дело в том, что с некоторых пор больные в отделении начали ее пугать. Ей казалось, что, беседуя с ней, они задают слишком много личных вопросов, вместо того, чтобы отвечать на вопросы чисто медицинские. И главное – откуда-то они знали о ней то, что она им никогда не рассказывала...

Она пару раз пожаловалась на это мужу, к тому времени защитившему докторскую диссертацию и возглавившему их отделение. Тот удивленно посмотрел на ее и спросил:

– Знают, что ты вчера посетила салон красоты? Но почему тебя это пугает? Они увидели новую прическу, вот и весь секрет.

– Рич, но они знают про стилиста. – Зоя была серьезно встревожена. – Ну, что я вчера макияж делала. Откуда? Я ж его смыла вечером!

– А давай сейчас и спросим. – Рич решительно взял ее за руку и повел к одной из палат. Распахнул дверь и спросил видевшего на железной кровати сжавшегося в комочек серого человека в серой полосатой пижаме: – Иван, ты доктора Васильеву про стилиста спрашивал?

– Ась? – серый человечек с искренним удивлением потряс головой. – Про какого спилиста?

Ричард рывком вытащил Зою из палаты и, ускоряя шаг, потащил ее по коридору. Она молчала автоматически все быстрее перебирая ногами. Иван совсем недавно спрашивал ее про неудачные сиреневые стрелки для глаз, которые ей сделали вчера. Стрелки и правда вышли не очень, они полностью погасили необычный серо-зеленый цвет ее глаз, заменив его на противный болотный. Но видеть эту красоту больной никак не мог! И сейчас он уверял, что ничего про стилиста не знает...

Во второй палате повторилась та же картина. Больная с параноидной шизофренией, еще утром интересовавшаяся, дорого ли нынче берут стилисты, и не переплатила ли доктор Васильева за неудачный макияж, уверяла, что даже не говорила с доктором сегодня.

Зое впервые стало страшно так, словно она очутилась в ночном кошмаре. Врать ее больные не умели, они и правда верили пылесосы с огромными жерлами, засасывающие в себя

гуманоидов, они и правда разговаривали с потусторонними голосами. Они видели многое из того, чего не было в окружающем мире. Но еще ни разу не забывали того, что в этом мире реально существовало.

Она стала нервной, по утрам пила успокаивающие травки. Ей начало казаться, что ее пациенты с жалостью смотрят на нее, когда она приходит к ним в палаты на утреннем обходе. И они продолжали задавать ей странные вопросы, которые становились все более интимными. Например, почему она вчера отказала мужу в близости, соврав про головную боль. Зоя перепугалась до полуобморока – она и в самом деле пару дней назад отказала Ричарду, но ее пациенты не могли, никак не могли этого знать! И они не могли ее просто троллить – их интеллект был почти разрушен, и тонкий троллинг был этим человеческим обломкам не под силу. Но теперь она боялась жаловаться Ричарду – он и так странно на нее посматривал.

Кульминация наступила довольно быстро. Она зашла в палату к буйному пациенту, здоровенному бугаю, бред преследования у которого пока не удавалось купировать. Поэтому в палате он находился один, было бы слишком рискованно подселать к нему соседей. Санитары зафиксировали его смирительной рубашкой, усадили на кровать и ушли, а Зоя, как обычно, присела на табуретку возле больного и приготовилась задавать вопросы. Она проводила такие опросы ежедневно, и опасности не было никакой – кроме смирительной рубашки, волю больного подавлял сложный коктейль из лекарств. Но вдруг ровяк взмахнул руками, длинные рукава, прочно связывающие его, отвалились, рубаха спала, словно разорванная простыня, и он набросился на Зою, сбив ее с табуретки на пол и пытаясь вцепиться в горло.

Она плохо помнит, как, отбиваясь, добралась до двери палаты и выбежала наружу. Санитаров в коридоре не оказалось, она в панике бросилась на дежурный пост – но и там, как ни странно, никого не было, хотя сестра не имела права отлучаться ни на минуту. Зоя металась по коридору, похожая в этот миг на своих пациентов, не решаясь даже закричать, и в ужасе ожидала, что буйный псих выбежит и додушит ее. И тут ее крепко схватили за руку. От неожиданности она заорала, сама удивляясь прорезавшемуся голосу.

– Зоя, что с тобой? – Ричард крепко держал ее за руку, его брови были сдвинуты. – Ты что-то потеряла?

Она начала сбивчиво объяснять про нападение пациента. Больно сжав ей запястье, Ричард буквально волоком потащил ее за собой в палату. Ногой распахнул дверь и замер в проходе, загородив ей обзор. Потоптавшись за его спиной, она извернулась и робко заглянула в палату из-под его локтя. На железной кровати, плотно замотанный в смирительную рубашку, неподвижно сидел некогда буйный здоровяк.

– Зоя, тебе нужно лечь на обследование. – сказал ей вечером Ричард. Она плакала, уверяла, что у нее не было галлюцинаций, что бугай порвал на себе рубашку и пытался ее задушить. Муж лишь задумчиво качал головой, и, лишь только она замолкала, снова талдычил о переутомлении и необходимом обследовании.

В тот вечер они ни до чего не договорились, а наутро Зоя поняла, что не может жить с человеком, который ей настолько не верит. Ей и так было очень страшно теперь входить в свое отделение, она вздрагивала от каждого произнесенного пациентами слова и не отпускала санитаров во время утреннего обхода, спиной чувствуя, как они переглядываются и вертят пальцами у виска. И она подала одновременно два заявления об уходе по собственному желанию – с работы и от мужа.

Узнав о ее решении, Ричард сильно помрачнел и спросил, может ли он сделать хоть что-то, чтобы ее удержать? Зоя чуть не ляпнула, что может, если согласится на ребенка, но прикусила себе язык. Теперь она сама уже не решилась бы рожать, даже если б муж вдруг согласился. Если у нее начинается душевная болезнь, ей нельзя обречь на муки еще одно живое существо! Она не стала ничего объяснять, переехала на съемную квартиру, и в назначенный срок пришла в суд. Общих детей и собственности у супругов не было, и развели их быстро, даже не

давая времени на примирение. С работы так легко было не уйти, но через два месяца ее все же отпустили. Она устроилась в другой диспансер, в геронтологическое отделение для больных со старческой деменцией. После агрессивных шизофреников больные старички казались ей милыми и безобидными. С Ричардом отношения тоже наладились, теперь они были если не друзьями, то добрыми приятелями. Он иногда приглашал ее в театры, они вместе бывали у общих друзей. Жизнь вроде бы налаживалась, пока через полтора года не начались странные звонки со скрытых номеров.

Глава 3. Эльвира

Мама давно заснула, видимо, отведав все же снотворного чайку, а я все без сил сидела на кухне. В голове снова зазвенели детские голоса:

– Мама, мамочка, почему папа плачет? Мамочка, ты его обидела???

Да, тогда, два года назад, я впервые увидела, как плачет Антон. Он всегда был таким уверенным в себе, таким невозмутимым. Он всегда знал, как правильно поступать всем, включая меня и детей. А тут он словно разваливался на глазах, рыдая, как маленький ребенок. Он уверял, что не может жить без меня и детей, что он согласен на все – мы найдем сиделку для мамы, он даст на это денег, он готов оплатить и дорогой пансионат, только чтобы не оставаться без своих любимых. Я рыдала вместе с ним, еще больше пугая несчастных детей. Казалось, можно бы уступить, и жить как прежде – но у меня словно замкнуло что-то внутри. Я представляла себе, что вот через какое-то время с мамой все уладится, но ведь обязательно случится что-то еще, не вписывающееся в жетские рамки расписания, составленного Антоном на долгие годы вперед. И мне снова придется не спать ночами, слушая его нудные, вызывающие уже тошноту нотации. При одной мысли об этом меня накрывала волна такого ужаса, что все заверения в любви казались пустым сотрясением воздуха.

Чтобы пореже пересекаться с мужем, я отводила девочек в садик, а сама до вечера сидела в лаборатории, стараясь не думать ни о чем, кроме нашего исследования. Где-то в глубине сознания теплилась мысль, что вот сейчас мы сможем поймать и развернуть вспять коварную болезнь, лишаящую разума мою маму, и тогда нам всем станет легче. У девочек будет любящая бабушка, Антон создаст другую семью, куда сможем направить свою энергию, и отстанет от меня. Я смогу, я должна это сделать... А пока Антон забирал Аню и Алю из садика, играл с ними по вечерам и даже читал обязательную сказку на ночь. Я же возвращалась ближе к полуночи, демонстративно принимала снотворное, шла в комнату дочек и ложилась на лежащий на полу узкий матрас.

Изучение иностранных научных статей по болезни Альцгеймера тоже не радовали. Сравнительно недавно установили, что болезни соответствуют амилоидные бляшки, образующиеся в мозгу и разрезающие его словно бритвой. Бляшки образовывались из обрезков белка бета-амилоида – нужного и полезного, который у здорового человека должен как раз чинить поврежденные связи между нейронами в мозгу. Но внезапно этот белок, словно получив команду, из друга превращается во врага. Его обрезки, не пригодившиеся при починке, перестают выводиться через спинно-мозговую жидкость. Они остаются, сворачиваясь и превращаясь в те самые бляшки, уничтожающие нейронные связи и сам мозг.

Выяснив все про бляшки, обрadowанные медики стали разрабатывать препараты, растворяющие их. Препараты действовали, бляшки растворялись, их выводили из головного мозга, а на их место заступали новые, все так же разрезающие нейроны. Стало очевидно, что возникновение бляшек – всего лишь один из симптомов болезни, как высокая температура при гриппе. Сбивать температуру, конечно, надо – но грипп таким образом не победить. И тогда ученые сосредоточили усилия на блокаторах бета-амилоидных белков. Увы, эти блокаторы могли слегка затормозить развитие бляшек – но тем самым они лишали мозг необходимого для его починки белка. Вдобавок, полностью остановить синтез было невозможно. А значит, развитие болезни лишь слегка затягивалось. Вдобавок, действовали блокаторы почему-то не на всех испытуемых.

Кроме того, после смерти у всех больных Альцгеймером в мозгу обнаруживались нейрофибриллярные клубки, образованные из нерастворимого тау-белка. Почему этот белок менял структуру и переставал выводиться, было так же непонятно, как и в случае с бета-амилоидом.

Мой научный руководитель профессор Шульман, изучив материалы, решил пойти другим путем. Опытный генетик, он считал более перспективным воздействие на генетическом уровне. К этому времени уже была выявлена генетическая предрасположенность к болезни Альцгеймера: в ее развитии принимают участие нарушения на хромосомах 1, 14, 19 и 21.

Чаще всего генетически наследуется разновидность поздней болезни Альцгеймера, развивающейся в возрасте от 65 лет и старше, но и более ранняя форма зависит от наследственности. Последним словом в генетике было обвинение во всех грехах аллеля АР0Е4 – именно у его обладателей чаще всего возникает деменция. Так что, если в будущем удастся заблокировать весь ген АР0Е или воздействовать только на этот конкретный аллель, возможно, деменцию можно будет предотвратить. Наверное, на такие исследования можно было бы получить хорошие гранты, но меня, по вполне понятным причинам, это не устраивало. Мне нужно было остановить уже развившуюся патологию.

К тому же, даже если в старте болезни Альцгеймера виноват ген АР0Е, все равно оставался главный вопрос – а что именно запускает в организме этот ген? Какие процессы? Почему полезный белок вдруг становится смертельно опасным? Что нарушает его отток? И почему вредное воздействие начинается не раньше, чем через полвека после рождения человека – ведь болезнь Альцгеймера возникает обычно в 50 – 65 лет, и никогда – у молодых?

На эти вопросы современная наука ответа пока не давала. Но я решила найти их самостоятельно – благо пока что мое участие в исследованиях состояло в основном в подробном протоколировании результатов генетических анализов людей с жуткой болезнью. В остальном я вольна была вести свою программу исследований, но пока не спешила. Слишком много вопросов, и так мало ответов на них...

Тем временем я почти перестала ночевать дома – мама постоянно звонила и плакала, уверяя, что у нее снова украли постельное белье, или последние деньги. Так что после работы я ехала к ней, там и ночевала. Ночью мне звонил Антон, просил вернуться, пожалеть если не его, то девочек. Иногда прямо ночью я приезжала, но вид как-то разом сдавшего, согнутого мужа, которого я помнила таким бодрым и подтянутым, вызывал у меня депрессию. Казалось, даже его яркие белокурые волосы потемнели, стали серыми, словно сажа на подоконнике. Дочки по утрам просили не вести их в садик, побыть с ними хоть немного – но я не могла пропустить работу. Я сама себе казалась чудовищем.

Несколько месяцев прошло в таком аду, затем Антон сдался. Он переехал к матери, и виделся с дочками только на выходных, уже без меня. Отцом он по-прежнему был сумасшедшим, этих прогулок девочки ждали всю неделю. По вечерам я читала им сказки, как было заведено при отце, но, когда заканчивала, малышки начинали плакать:

– Мама, почему папочка нас не целует? Где он, он не хочет нас видеть???

Были моменты, когда я готова была позвонить Антону и попросить его вернуться. Как теперь я жалела, что ни разу не поддалась порыву! Да, любовь прошла, даже звук некогда любимого, чуть хрипловатого голоса раздражал, но пусть так – зато мои девочки были бы со мной! Такие маленькие, такие красивые, только начинающие жить...

Но я держалась, глупая баба. Я думала, что рано или поздно все перемелется. Продвинутся исследования болезни, убивающей мою маму, успокоится Антон – он ведь красивый мужчина в самом расцвете, зарабатывал в последнее время тоже очень неплохо, а одиноких женщин вокруг полно... А я... ну, любви мне уже не хотелось. Единственное, чего мне искренне хотелось в то время – это покоя. Посидеть поздним вечером на маленьком балкончике в обнимку с дочерьми, вдыхая их такой родной аромат молока и какао... Мне не нужны были больше африканские страсти. Но моей мечте не суждено было сбыться.

Развод прошел на удивление спокойно. Постаревший лет на десять Антон не стал спорить с судьей, и даже не попросил отсрочку. А недели через две приехал на нашу съемную квартиру и спокойно сказал, что взял на работе двухнедельный отпуск и хочет поехать с дочерьми на

две недели во Францию. Туда, где мы проводили свое свадебное путешествие. Мне нужно всего лишь подписать доверенность на вывоз детей за границу. И я, не раздумывая, назавтра же поехала с ним к нотариусу и подписала доверенность. Знала бы я, что в этот миг своими руками уничтожаю свою жизнь!

Все две недели, пока Антон с дочерьми путешествовал по Франции, я была спокойно. Каждый вечер, ровно в 22.00, на вацап приходило лаконичное сообщение от мужа: «Все ок, девочки в восторге». Да я и не сомневалась в этом – бывший муж был буквально сумасшедшим отцом. Казалось, он лучше прыгнет в кипяток, чем обидит своих детей.

Через день я звонила Антону на вайбер, и он передавал трубку дочерям. Захлебываясь от восторга и перебивая друг друга, малышки рассказывали об игровых автоматах с необычными играми, о зоопарке, где можно покормить заморских животных, и о теплых южных озерах. Долго болтать нам Антон не давал, но девочкам было хорошо, и я радовалась за них.

Почувствовав непривычную свободу, я буквально воспарила в небеса. Запросила в научной библиотеке все сведения о любых исследованиях болезни Альцгеймера, и вскоре нашла интересное исследование взаимосвязи между заместительной эстрогенотерапией, проводимой в постменопаузе, и развитием болезни Альцгеймера у пожилых женщин. Эксперимент проводили в исследовательском институте США в течение 5 лет. Собирались сведения о возрасте, когда женщина начала или прекратила прием эстрогенов, возрасте наступления менопаузы, и развитие собственно болезни Альцгеймера.

Это исследование выявило удивительную картину. Если женщина начинала принимать гормон эстроген в момент наступления менопаузы, или в течение 5 лет после нее, то риск возникновения болезни уменьшался почти наполовину. Но если она начинала принимать эстроген через 5 и более лет после менопаузы, то болезнь Альцгеймера не только возникала чаще, но и шла более быстрым темпом, буквально за пару лет полностью разрушая личность!

Не вполне поверив этому исследованию, я нашла еще несколько похожих, проведенных учеными Англии и Австралии. Все они говорили о том же самом. Если женщина принимала эстрогены в момент наступления менопаузы, риск возникновения болезни у нее стремился к нулю, несмотря даже на наличие зловредного гена. Если же время было пропущено, то прием эстрогена вызывал прямо противоположный эффект. То есть часто болезнь возникала, даже если, казалось, для нее не было особых предпосылок.

Но что значили эти удивительные факты? Болезнь Альцгеймера как-то зависела от наличия эстрогена в организме? Но тогда почему тот же эстроген в одних случаях останавливал, а в других не только не предотвращал, но и усиливал болезнь?

Но дойти до нужных выводов тогда я не успела. 26 мая Антон с детьми должны были вернуться в Москву. И вот накануне, 25 мая, в 22.00 вместо короткого сообщения на вацап я получила развернутое:

«Эля, я не могу жить без тебя и детей. Ты оказалась никудышной женой и плохой матерью. Моя жизнь окончена. Детей я забираю с собой, им незачем оставаться в этом мире. Прощай.»

Не совру, если скажу, что на какое-то мгновение я потеряла сознание. Похоже, на автомате я добралась до ближайшего отделения полиции, где меня жестоко высмеяли. Подумаешь, пошутил бывший муж – да он пьян, наверное! А может, и вообще его дружки подшутили, забрал его смартфон. Я плакала, говорила, что Антон никогда так не шутил, и он не пьет, совсем, тем более, когда с детьми. Я просила связаться с французской полицией, но меня не особенно вежливо вывели под руки из отделения и посоветовали отправляться домой. Но я поехала не к себе, а к дому своего бывшего.

Когда я добралась до его высотки, было около полуночи. Но мне плевать было на правила вежливости, хотя я знала – его мать придает этикету большое значение. Думаю, педантичность Антона была родом из семьи. Лифт в высотке не работал, и на 14-этаж я взобралась пешком.

Физическое напряжение слегка помогло собраться с мыслями, и я решила просить помощи у свекрови. Она открыла мне дверь сразу, одетая не в обычный байковый халат, а в легкий шелковый брючный костюм, словно собиралась принимать гостей. И теперь молча стояла в дверях – высокая белокурая дама неопределенного возраста, надменная, словно королева перед холопами.

– Чем обязана в такое время? – ядовитая насмешка в голосе ударила меня, словно током. Я молча протянула ей смартфон с посланием ее сына. Она прочитала его, слегка изменившись в лице, но и не подумала подвинуться, пропуская меня в квартиру.

– Антон, наверное, выпил. – ледяным тоном произнесла она.

– Но он не пьет!

– Деточка, он стал пить после того, как ты выгнала его пинками. – теперь она говорила устало, и даже ее спина слегка сгорбилась. – Он вообще сильно изменился. Ты высосала из него жизнь. Зачем ты пришла ко мне?

– Вы не понимаете, он же с детьми! Где мои дети? – в истерике прокричала я в ее осунувшееся лицо.

– Не кричи на меня! – она резко выпрямилась, ни следа усталости или растерянности теперь не было на ее тонком злом лице. – И убирайся отсюда!

Она отступила и захлопнула дверь перед моим носом. Я еще долго звонила и стучала в дверь, но оттуда не доносилось ни звука, словно квартира была пустой.

Как я провела эту ночь, я не могла вспомнить до сих пор. Кажется, бродила пешком по городу, ехала куда-то на метро. Глубокой ночью заглянула к матери, но она, к счастью, спала. Думаю, в тот момент я не смогла бы вынести ее безумия. Назавтра Антон с детьми, разумеется, не вернулся. Его телефон был отключен, сообщения больше не приходили. Во французском посольстве, куда я пробилась с боем, к моему заявлению отнеслись серьезно. Мне пообещали в ближайшие дни оформить Шенген, и тут же, не теряя времени даром, отправили запрос в Интерпол. Антона и детей начали искать по всей Франции. Через четыре дня, когда я прилетела в Париж, меня уже ждали в префектуре с подробным отчетом.

Прилетев во Францию, Антон взял напрокат на две недели машину «Пежо», и вместе с детьми стал колесить по всей стране, вроде бы без особой цели. На заправках он попадал в видеокamеры, нашлось множество свидетелей, которые видели его в Лионе. Вечером 23 мая Антона видели в Марселе, почему-то одного, без детей. В бюро путешествий он купил три билета на паром, следующий из Марселя на остров Корсику.

Кроме того, в Марселе Антон засветился неоднократно. Как установило следствие, он снял в пяти банкоматах крупную сумму денег, более десяти тысяч евро, к банкоматам он подходил тоже в одиночестве, где и с кем оставались дети, выяснить так и не удалось. А 24 мая он вместе с машиной погрузился на паром, идущий в Корсику. Почему-то на видеокamеры попал сам Антон, заезжающий на прокатной машине по сходам, в вот детей в машине на записи полиция не увидела. Может, они спали на задних сиденьях, и не попали в объектив? Двое свидетелей подтвердили, что дети сидели в машине, но можно ли было полагаться на их память? Увы, на на проходах от трюма в каюты камер не было.

Пробыв почти целый день на Корсике, Антон пересекает остров на автомобиле, и на его другом конце купил билет на паром, следующий в Неаполь. Вечером того же дня Антон покидает Корсику уже один, без дочерей, и плывет он в Италию.

В Неаполе его след на пару дней потерялся, хотя был уже в розыске. Но через два дня он снова попал на глаза свидетелям. Около восьми вечера его заметят одиноко ужинающим в городском уличном ресторане. После ужина он сел в свою Пежо и отправился примерно за 250 км от Неаполя, а именно нанизенькую, захолустную железнодорожную станцию. Арендный автомобиль он оставил на стоянке возле станции, выдрал с корнем встроенный в Пежо автомобильный GPS-навигатор и вместе с ним бросился под идущий на скорости 180 км в час

скоростной экспресс. Остановить его было некому – на крошечном полустанке не было дежурного. В 22.45 карабинеры нашли на железнодорожных путях его изуродованное, буквально размолотое в порошок тело. Неподалеку будет лежать такой же истерзанный, размолотый в труху навигатор, не поддающийся восстановлению.

При осмотре тела погибшего карабинеры нашли в кармане его пиджака 120 евро и письмо, написанное от руки. Четким, не дрогнувшим даже в этот страшный момент почерком Антон написал на неровном листе бумаги, выдернутом из своего ежедневника:

«Я хотел умереть вместе с дочерьми, но это было бы слишком просто. Я умру последним. Девочки покоятся с миром, они не страдали. Они одни в тихом месте. Ты их никогда не увидишь, но можешь уйти следом.»

Глава 4. Зоя

Звонили ей всегда днем, иногда до начала обхода, иногда после полудня. Номера не определялись, и она никак не понимала, как такое возможно. Сначала позвонившие просто шумно дышали в трубку, не произнося ни слова. Потом из трубки раздавалось громкое шипение, словно закипал гигантский чайник, взрывая ей голову. Она перестала отвечать на звонки со скрытых номеров, тогда ей стали звонить с городских телефонов, которые она не знала. И теперь уже в трубке не молчали. Станный бесплотный голос в подробностях рассказывал, как он будет разделять Зою на части, в каком порядке он будет отрезать ей руки и ноги, как начнет сдирать кожу с живота...

Она бросилась в полицию за защитой. Сначала у нее не хотели принимать заявление, и она бегала из прокуратуры и отделение, как на работу. Наконец, ее отправили в СК, заявление приняли, делом занялся капитан Дивинский, и Зоя воспрянула духом.

Полиция выяснила, что на ее мобильный за три месяца поступило около 50 входящих звонков. Определить скрытые номера не удалось, но с городскими телефонами никаких трудностей не возникло. Выяснилось, что номера принадлежали разным отделениям той самой клиники, где работала теперь доктор Васильева. Причем, звонили ей именно тогда, когда она была на работе. После короткой проверки капитан вызвал Зою и коротко сказал, что дело закрывается. Следственные действия проведены, выяснилось, что доктор Васильева звонит себе на мобильный с рабочего телефона. И если доктор Васильева еще раз позволит себе отвлечь на свой милый розыгрыш занятых людей, капитан организует ей психиатрическую экспертизу, и ближайшие годы она проведет все в том же психдиспансере, но уже в другом статусе.

А тем временем на лобовых стеклах припаркованных возле дома соседских машин начали появляться коллажи: ее фотографии, приклеенных в центре листа бумаги, и окруженные рисунками разных кухонных приборов – вилок, ножей, скалок. Иногда под ее портретами были трехэтажные ругательства в адрес всего мира. Владельцы машин скандалили – они думали, что коллажи делает сама Зоя. Они обещали обратиться в полицию, побить ее, поджечь ей дверь... Она снова попробовала обратиться в полицию, и даже уговорила упрямого капитана отправить коллажи на экспертизу, но на них не было найдено ничего, кроме отпечатков пальцев самой Зои.

Она пыталась рассказать о стalkerе бывшему мужу, но Ричард, потемнев лицом, начал уговаривать ее лечь на обследование в их отделение, обещал, что там ей станет намного лучше, и никто ее не обидит... Зоя вспомнила набросившегося на нее психа и вздрогнула. Еще не хватало оказаться запертой в том отделении, откуда она с таким трудом сбежала! Но она поняла, что Ричард ей не верит. Он считал ее сумасшедшей, и иногда ее обжигал ужас от мысли, что он может быть прав...

В одну прекрасную ночь в окно ее съемной квартиры влетел огромный камень. Стекла дорогого стеклопакета с сильным звоном полетели на пол, из пробитого окна сильно дуло, но Зоя сидела на кровати, завернувшись в одеяло, и не решалась позвонить в полицию. Она рыдала до самого утра, а выплавав все слезы, твердо решила поменять квартиру. На всякий случай она не стала об этом говорить никому из знакомых и коллег, выбрала в Инете квартиру в районе, до которого надо было ехать около получаса на метро и еще полчаса на автобусе, осмотрела квартиру с прочной стальной дверью и оптическим глазком, договорилась с хозяйкой и сразу внесла задаток. Бывшей квартирной хозяйке она оставила письмо с извинениями, разумеется, без нового адреса.

Многэтажки-новостройки были настолько далеко от ее прежнего дома, что уж там-то преследователь никак не мог случайно оказаться. То, что теперь до работы она добиралась более часа, казалось досадным пустяком, на который и внимания обращать не стоило.

Почти неделю Зоя прожила спокойно. Прекратились пугающие ее телефонные звонки, никто не клеил странных картинок на машины, припаркованные у дома. И вот сегодня ей прислали с курьером сырое мясо, и повесили полюбившегося ей кота...

Наконец, она пришла в себя, проверила щеколду на двери, и лишь тогда пошла умываться. Ледяная вода охладила горящее лицо, и слегка привело мысли в порядок. Пока ее не убьют – а смерть, вероятно, будет нелегкой и небыстрой – полиция и не пошевелится. Она не может больше жить одна, ей нужна защита.

Немного подумав, она позвонила своей коллеге, у которой совсем недавно была в гостях с Ричардом, и спросила, нельзя ли ей немного пожить у них в гостях? Ей очень неудобно было озвучивать такую просьбу, и изумление в голосе коллеги подтвердило ее опасения. Коллега вежливо объяснила, что свободных комнат у нее нет, и Зоя, извинившись, начала обзванивать подряд всех, с кем когда-либо общалась. Разумеется, причину она не объясняла, упирая на то, что ей внезапно стало очень тоскливо в пустой квартире. Она сама удивлялась своей настойчивости, граничащей с безумием – но готова была на все, лишь бы не оставаться больше одной.

В конце концов она напросилась в гости к одинокому пожилому врачу из отделения неврозов, который, спасовав перед ее напором, согласился даже на то, что Зоя переедет к нему немедленно, этой же ночью. Врач давно вдовел, его взрослая дочка жила в Петербурге, и он нашел даже некоторую пикантность в просьбе молодой женщины. Зоя вызвала такси, уговорив таксиста обязательно подняться к ней на этаж, быстро собрала вещи и уже через час звонила в докторскую дверь.

Просидев допоздна с гостеприимным вдовцом в гостиной, перед работающим фоном телевизором, под утро Зоя впервые крепко уснула. Проснувшись она от криков и запаха гари. Старенький врач в ужасе метался по квартире, из коридора валили черные клубы дыма. Зоя начала звонить в пожарку, затем в МЧС... Через пару минут горящую входную дверь мощным ударом вынесли – хорошо, что дворник-таджик не стал ждать приезда пожарных. Услышав крики в доме, он прибежал на этаж со шлангом, присоединил его к крану в кухне соседней квартиры, потушил весело пылающую дверь, а затем зачем-то выбил ее.

Полиция приехала нескоро, покачали головой, поглядев на сгоревшую дверь, и предположили, что малолетние хулиганы просто из баловства подложили под нее свернутую зажженную газету. Хулиганов пообещали найти, но по унылому тону полицейских было件нятно, что искать их никто не будет.

Выпив сердечные капли, старенький врач отправился на работу. У Зои был выходной, и она осталась в квартире с выбитой полусгоревшей дверью, понимая, что это она стала причиной пожара, чуть не погубившего ни в чем не повинного человека. Но... вдруг она ошибается? Мелькнула безумная мысль. Это ведь может быть простым совпадением. Может, где-то в подъезде живут наркоманы, и у них хорошим тоном считаются подобные шутки?

Собравшись с мыслями, она вызвала слесаря из ЖЭКа, и к вечеру дверь поставили. Врач остался на ночное дежурство в больнице. Оно было внеплановым, и Зое показалось, что несчастный просто не хочет возвращаться домой, где еще витал неприятный запах горелого пластика. Зоя заперла искореженную дверь, разделась и попыталась заснуть, но, хотя накануне не спала почти до утра, сон никак не приходил. Вдруг ей показалось, что в наружную дверь кто-то тихонько вставляет ключ. Вне себя от ужаса, прямо в короткой ночной рубашке она бросилась в коридор и начала орать:

– Уходите, я сейчас вызову полицию!!!

Замолчав, она с ужасом поняла, что в дверной скважине и правда что-то скрежещет. Она начала набирать 112, никак не попадая по цифрам трясущимися пальцами. Наконец, ей удалось дозвониться до оператора, и она с рыданиями начала упрашивать поскорее прислать полицейских. С того конца трубки ее все просили успокоиться, но он боялась замолкнуть хоть на миг, чтобы не слышать страшного скрежета в замочной скважине...

Наряд прибыл минут через пять. Разумеется, на лестничной клетке перед дверью никого не обнаружилось. Полицейские уверяли, что на этажах тоже не было ни души, а лифта в доме не было. Не слишком вежливо посоветовав плачущей женщине успокоиться и не дергать зря полицию, наряд отбыл, отказавшись подежурить в квартире до утра.

В полном отчаянии Зоя поплелась на кухню. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Ей отовсюду мерещились странные звуки. Вот что-то стукнуло в окно – она выключила свет и бросилась к стеклу. Разумеется, за окном никого не было, да и кто мог бы залезть на пятый этаж? Сзади раздавался шорох, и она бежала включать свет. В один из таких бессмысленных забегов она вдруг подумала, что там просто было бы открыть окошко и шагнуть наружу – и все ее страхи окажутся позади, наверху...

Но мысль о бездне, из которой нет возврата, напугала ее еще больше. Нет, она заставит полицию все же завести дело о нападении! Она решительно подошла к кухонному столу, достала из маленького ящичка острый кухонный нож, и стала методично резать себе руки и шею. Из глубоких царапин текла кровь, от боли сжимался желудок, зато страх отступал перед болью и железной решимостью. Теперь полиции придется открыть уголовное дело, раз ее не только напугали, но и пытались убить!

Разрезав себя всюду, куда могла дотянуться, она заляпанной кровью рубашкой тщательно протерла ручку ножа, вышла в коридор, достала из сумочки ключ, открыла входную дверь и набрала номер полиции:

– Это снова из квартиры номер... Да, недавно тут был наряд, но они уехали. А дверь все-таки вскрыли, и на меня напали с ножом!

Допрос длился долго, Зое показалось, что прошли минимум сутки. Минуты и часы сливались в сознании, как и слова полицейских, и все, что она понимала – ей снова не поверили. Ее отвезли в отделение, где врач бегло осмотрел руки и ноги женщины и небрежно бросил: «Самоповреждения. Видите, какие неглубокие порезы? Царапины обычные». В какой-то момент она увидела среди полицейских Ричарда и обрадовалась: сейчас он скажет, что его бывшая жена нормальная, что она не могла сама себя изрезать, что на нее напали...

Но Ричард лишь один раз взглянул на нее, и потом долго о чем-то беседовал с полицейскими. Она иногда слышала отрывки разговора, кусочки фраз, сказанные знакомым властным голосом. Или ей это только чудилось?

– Да, психопатка с бредовыми идеями, я это давно понял. Я же врач с клиническим опытом... В моем отделении... да... страдает галлюцинациями и диссоциативным расстройством. Вы не поняли. Она не привлекает к себе внимание, напротив. Она подвержена идее причинения себе вреда с суицидальными наклонностями. И хочет, чтобы ее остановили.

Хочет, чтобы ее остановили? На какую-то долю секунду ей вдруг показалось, что Ричард прав. Но нет, не ее, пусть остановят того, кто ее преследует!

Наконец, ее отпустили из отделения. Она вышла на улицу из полутемной проходной и зажмурилась от яркого солнечного света. Надо же, она просидела на допросе всю ночь! Но куда ей теперь идти? Мелькнула мысль вернуться к бедному доктору-вдовцу, но это было невозможно. Он и так пострадал от ее присутствия, они оба едва не сгорели заживо. Просто бессовестно было снова подвергать его смертельной опасности. Да и к тому же присутствие старого врача, как показала практика, никак не могло ее защитить от неизвестного stalkера. Что вообще могло от него защитить?

Но в любом случае, пора было идти на работу. Она доехала на метро до снятой недавно квартиры, быстро приняла душ, переоделась и отправилась в больницу. Зайдя в отделение, она с умилением посмотрела на дементных старушек, таких миленьких, в чистеньких больничных халатах, и главное, не задающих пугающих вопросов, и не рвущих на себе смиренные рубашки. Надо бы вообще переселиться в отделение – подумала она. Дома ее никто не ждет, можно изредка ездить туда за сменной одеждой. А ночевать она сможет и в докторской,

кушетка там вполне удобная, и больничные одеяла ее вполне устроят. Приняв это решение, она повеселела и, пообщавшись с молоденькими сестричками, пошла на обход.

Ее дежурство заканчивалось через сутки. Все это время она периодически вздрагивала от звонков на свой мобильный, но это были родственники пациентов – сталкер не позвонил ни разу.

На следующее утро она задумалась. Да, ночевать наверняка стоит в отделении, но надо ли сидеть тут безвылазно весь день? Наверняка нет. Вечером нужно привезти смену одежды, а пока... Сейчас она может выйти на дневную прогулку, посидеть в приличной шоколаднице... Словом, насладиться новой жизнью, в которой преследователь не сумеет ее достать. «Страдает галлюцинациями и диссоциативным расстройством» прозвучал в голове голос бывшего мужа, такой отчетливый, словно он стоял рядом. Она потрясла головой, чтобы отогнать неприятное воспоминание, переоделась и вышла из отделения.

На узкой лестнице, ведущей в вестибюль, ее снова охватил страх. Вокруг не было ни души, только наглухо запертые двери психиатрических отделений пятались замазанными побелкой стеклами. Она все ускоряла шаги, потом побежала вниз, рискуя оступиться и слететь вниз. Затем взяла себя в руки и снова пошла медленно, крепко держась за перила. Откуда этот страх, ведь в больнице ей ничего не угрожает!

Выйдя на улицу, она снова в нерешительности застыла. Пойти гулять по городу, наслаждаясь октябрьским непривычным солнышком? Или все же заехать на квартиру, пока светло и не страшно? Немного подумав, она решительно отправилась к метро. Сначала дело, а развлечения потом. В шоколадницу в центре города не страшно зайти и поздним вечером.

Она доехала до новых высоток, дошла до огромной клумбы и с опаской покосилась на дерево, на котором пару дней назад висел бедный повешенный кот. Но сейчас, при ярком дневном свете, дерево с яркими желто-зелеными листьями выглядело нарядно и абсолютно безобидно. Да и вообще, не привиделся ли ей ночной кошмар? Зоя не стала глубоко продумывать эти мысли. Врач-психиатр, она знала все о возникновении душевных болезней, но не верила, что одна из них угнездилась в ее мозгу. Нет, ее преследователь вполне реален, просто пока она не может это доказать.

Она доехала на лифте до своего этажа, с некоторой опаской подошла к двери, на всякий случай подергала ручку... Дверь была заперта, похоже, что в квартире ее не ждало ничего дурного. Она достала ключ, отперла дверь и, невзирая на дурное предчувствие, решительно шагнула внутрь.

Глава 5. Эльвира

В дверь квартиры негромко постучали, можно сказать, поскреблись. Я опрометью кинулась открывать, пытаясь успеть до того момента, когда стук станет громче и разбудит маму. На этот раз повезло, успела. Дверь распахнулась, и в полумраке лестничной клетки обрисовалась невысокая фигура в черном плаще, в полужакрытом капюшоне. Словно со стороны я увидела, как это темное существо скидывает капюшон, достает спрятанный за спиной топор и сбрасывает с плеч долой мою дурную голову. Мне захотелось засмеяться. Да, вот и конец страданиям. За мной пришли.

– Я увидел, что у тебя свет горит. – тихий мужской голос прервал наваждение... или что это было? – Эля, мне надо с тобой поговорить. Я больше не хочу тянуть.

Я молча отодвинулась от двери, чувствуя, как пересохло горло. Нет, это еще не моя смерть пришла. Я потеряла детей и способность радоваться жизни, и все для того, чтобы снова начать, как встарь, всю ночь вести бесполезные, дурные разговоры. Только уже не с Антоном, а с его младшим братом.

Когда-то мне казалось, что Гарик совсем не похож на Антона, разве что цветом волос. Но белокурые локоны, которыми так гордился мой муж, у его брата выродились в светло-серую паклю цвета перезимовавшей картошки. Ни тонких черт лица брата, ни его стати у Гарика тоже не наблюдалось – обычный офисный замухрышка, невысокий и худощавый, с каким-то стертым, словно ластиком, лицом. Без особых примет или приятного голоса. В первое время я никак не могла запомнить его настолько, чтобы узнавать при встрече – для меня он сливался с асфальтом. Похоже, вся красота, как и вся материнская любовь, в этой семье досталась старшему. Как я узнала много позже, Игорь-Гарик родился, когда мать с отцом уже были на грани развода, и его появлению на свет никто не обрадовался.

Но за все годы семейной жизни мы виделись по несколько раз в год, на каких-то крупных семейных праздниках. Судя по всему, особой близости у братьев не было, хотя Антон часто звонил матери и давал ей ЦУ по поводу Гарика. И даже немного помогал ему деньгами – в последнее время, когда начал нормально зарабатывать сам.

Близко познакомилась я с Гариком полтора года назад, и ассоциировался он у меня не с бывшим мужем, а с несчастьем...

Тогда, во французском комиссариате, я была словно в тумане. Французского я не знала, поэтому соболешования французских жандармов до меня просто не доходили. А переводчик бесстрастно рассказывал мне, в каких местах муж снимал деньги, где его видели свидетели и где запечатлели камеры. На большой мониторе я видела изображения Антона, иногда мелькали детские лица, и у меня больно сжималось сердце. Аня и Аля сидели в машине, за столиками уличных кафе, и так беззаботно смеялись! Они были с любимым папочкой, они даже не вспоминали про меня... Но я готова была их насовсем отдать Антону, только бы они были счастливы, только бы они были!

Записку мне зачитали, потом показали поближе, чтобы я подтвердила почерк. Почерк я узнала – прямые углы, буквы, словно выведенные готическим шрифтом, которому Антона никогда не учили. Но эта прямолинейность была у него в крови. До меня все доходило словно через слой ваты, но я поняла главное – тела моих детей пока не обнаружены, только тело Антона. Где же девочки?

Через бесстрастного переводчика я умоляла жандармов найти детей, найти их тела, я хочу их увидеть! Мне обещали, что поиски будут продолжаться, будут вестись сколь угодно долго, но детей найдут. Маршрут примерно известен, хотя идет опрос свидетелей, поиски будут вестись и во Франции, и в Италии. Как только будет что-то известно, меня немедленно изве-

стоят через посольство. А вот мне надо возвращаться в Россию. Поскольку оплачивать мое пребывание в Париже, увы, некому.

Это был дополнительный удар, вроде не самый страшный, но добивший меня окончательно. Денег у меня не было, гостиницу мне было не потянуть. Билеты в оба конца и два дня моего пребывания во Франции оплатило Французское посольство, но держать меня на полном обеспечении неделями оно не собиралось. Если была бы свободная квартира в Москве, я продала бы ее, чтобы только самой участвовать в поисках. Но мне нечего было даже продать.

В полубессознательном состоянии я вышла из комиссариата и застыла на пороге, не вполне понимая, где я и куда должна идти. В этот момент на крыльцо легко взбежал невысокий худощавый парень и внезапно остановился возле меня. Как обычно, я не сразу его узнала, поэтому равнодушно отвернулась.

– Ну что, сссука. – прошипел он, подавшись ко мне всем телом. – Антон мертв, теперь ты довольна?

Я развернулась и, вся дрожа, в диком недоумении взглянула на него. Брат моего мужа... он что-то спросил? Довольна ли я? Моих детей убили, я никогда их не увижу... довольна ли я???

Внезапно туман в моем мозгу начал сгущаться и темнеть. Невероятная, первобытная ярость словно вытеснила боль и недоумение. Она захлестывала меня с дикой силой, и голове зазвенел забытый с детства клич: «Убей врага!!!» Когда-то, в милой далеком детстве, мы кричали так на занятиях по кик-боксингу, когда в жестоком спарринге целились в голову сопернику. Кик-боксинг я бросила в шестом классе, внезапно ощутив себя девочкой, которой хочется платице. И думала, что давно забыла и боевую стойку, и этот неудержимый, рвущийся изнутри клич. Убей врага!

К счастью, вспомнить полностью тот бой мне не дано уже никогда. Вроде бы, первый удар в голову Гарик пропустил, отлетел к стене и вмазался в нее. Потом он достаточно ловко защищался, блокируя удары. А потом бой прекратили жандармы, вывернув нам обоим руки.

Писать на меня заявление пострадавший благородно отказался, а я, в свою очередь, отказалась от услуг медиков, которые настойчиво предлагали мне в жандармерии. Я сама врач, на хорошем английском отвечала я. Мне ничего не нужно. Спасибо, я доберусь до отеля и закажу такси в аэропорт. У вас не будет больше со мной проблем.

Дальше в памяти снова провал. Видимо, такси мне заказали, поскольку вряд ли я в таком состоянии могла вызвать его сама. Очнулась я в своем номере, на столике стояла открытая бутылка минералки и стакан. Я стояла возле столика я пыталась понять – что мне делать дальше? Улетать в Россию? Зачем?

Я покачнулась, схватилась рукой за столик, бутылка опрокинулась, и вода тонкой струйкой закапала со стола на серый меховой палас. Номер в этом отеле был больше и выглядел дороже, чем моя квартира в Москве. Отпустив стол, я села прямо на мокрый ворс. Что мне делать на Родине? Что у меня там осталось? Полубезумная мать, которая через пару лет превратиться в овощ, не понимающий, где в квартире туалет?

С трудом, словно старуха, я поднялась на ноги, стащила со своей роскошной односпальной кровати покрывало и сбросила его на пол. Туда же отправилось и одеяло. Затем я стянула с матраса накрахмаленную простыню, надрезала ее маникюрными ножницами с пронзительным хрустом разорвала на две продольных полосы. Одни убытки у бедных французов, не повезло им со мной – несмотря на туман в голове, безумный смех все время словно рвался на поверхность с какой-то мрачной стороны души.

Веревку я скрутила быстро, сделала петлю со скользящим узлом, и только тут задумалась – а где найти солидный крюк? Увы, дизайнерская люстра на двух тонких блестящих трубках никакого доверия не вызывала. Я метнулась в ванную – снова тот же дизайнерский шик,

бедные гнутые лапы в ванны, хромированные трубы полотенцесушителя – но ни одного массивного крюка! Этот отель был совершенно не приспособленный для самоубийств!

Но таким пустякам было меня уже не остановить. Вернувшись в комнату, я посмотрела на оконные шторы. Густой синий бархат крупнокалиберными волнами нависал над полом. Весили они явно немало. Ну что же, раз карниз выдерживает всю эту роскошь, выдержит и еще немного. Или не выдержит...

Стараясь не думать о том, что будет, если попытка не удастся, я встала на подоконник и крепко привязала к карнизу веревку из скрученной простыни. Ну что же, проверим, насколько хорошие у них тут крепления – я мрачно засмеялась и сама испугалась, услышав со стороны свой смех. Закрыв глаза, я накинула веревку на голову и вдруг почувствовала, что кто-то перехватил мои руки, сдернул с шеи петлю и рывком снял меня с подоконника.

– Элька, ты что... не смей!

От волнения Гарик хрипло шептал. Я прислонилась к стене и молча смотрела на него, уже без всяких чувств. Мне не хотелось убить его, как часом ранее. Мне уже ничего не хотелось. Зачем он помешал мне уйти вслед за детьми?

– Ты безумная! – голос у него наконец прорезался, но сильно охрипший. – Ты понимаешь, что он этого и добивался? Мой братец? Он хотел, чтобы ты вот так... Ты что, решила его порадовать? Чтобы посмеялся из ада?

– Мне плевать. Пусть смеется. – свой голос я тоже слышала как со стороны. Такой ровный, спокойный. – Уходи.

– Эля, я знаю... Тоша был той еще сволочью. – он пытался справиться с голосом. Под конец получилось. – Поверь, я это знаю лучше тебя. Но ты ж боец. Ты должна жить.

Я не понимала, о чем он говорит. Ладно, это придется перетерпеть. Я выслушаю его бормотание, а потом он уйдет. И я докончу начатое.

– Эля, у меня есть деньги. – неожиданно решился он. – Я оплачу тебе проживание во Франции. И мы сможем участвовать в поисках.

Я уставилась на него, постепенно выныривая из окутавшего меня дурмана. Жить в Франции на его деньги? Быть чем-то обязанной брату уродца, лишившего меня детей? Ну уж нет. Я отчаянно затрясла головой.

– Ладно, я все понимаю. – он наконец отвел от меня взгляд. – Но я останусь здесь и прослежу за поисками. Только сначала сам отвезу тебя в аэропорт. Чтобы точно знать, что ты села в самолет. – он криво усмехнулся и добавил. – Одну я тебя тут ни на минуту не оставлю.

Он действительно не ушел, пока я не прошла регистрацию и не зашла в зал ожидания. Может быть, караулил меня и дальше, но у меня не было обязательной цели умереть именно в Париже. В конце концов, торопиться мне некуда, а в Москве будет куда больше возможностей. Но в московском аэропорту меня встретил мой научный руководитель, профессор Шульман. Его полуседую окладистую бороду я увидела сразу, пройдя контроль, и вначале не поверила своим глазам.

– Эльвира, это правда? – вместо приветствия спросил он, неловко вытягивая из моих непослушных рук спортивную сумку с одеждой. – Ты повеситься хотела? А наша работа? Пусть все вокруг погибнут от слабоумия, а ты дезиртируешь?

– Натан Константинович, вы знаете уже? – только тут я сообразила, что даже не сообщила в институт о том, что буду неделю отсутствовать. По идее, меня могли уже уволить за прогулы.

– Знаем, хохо... – немолодой полный профессор мягко семенил рядом, пыхтя и отдуваясь, но моим попыткам вернуть свою сумку резво сопротивлялся. – Но ты нам нужна! Ты мне – понимаешь, мне! – нужна! На тебе огромная часть работы, кто ее сделает, если не ты? И ты вообще помнишь, почему я взялся за эту тему? Не ты ли меня слезно молила вникнуть в механизм болезни, убивающей твою мать? А теперь что, мать побоку?

– Не знаю, Натан Константинович. – мы остановились, проходящие мимо люди толкали нас, кто-то негодующе фыркал. – Мне кажется, меня уже ничего не интересует. Не будет больше от меня толку.

А ты крестись, коли кажется! – негодующе загремел профессор. – Ну-ка, едем в лабораторию. Ты там будешь сидеть, пока мозги на место не встанут. Еду я тебе сам носить буду.

– А мама... – робко начала было я, но профессор прервал меня:

– Вот тоже мне, вспомнила! Твою мать я к нам оформил как подопытную, в нашей клинике пока поживет. А там видно будет.

Я с облегчением вздохнула и, не споря больше, поехала в институт.

Оказалось, мои мозги хоть потихоньку, но отмерли и теперь просто жаждали работы. Я проводила в лаборатории сутки напролет, сравнивая разные исследования, изучая анализы больных Альцгеймером, и их геномы. Через две недели маму пришлось вернуть домой – клиника не держала подопытных свыше двух недель. Следом вернулась и я – увы, поражение мозга неуклонно прогрессировало, и теперь ее нельзя было даже на день оставлять одну. Она могла открыть газ и через час чиркнуть спичкой, сходить по-большому прямо на пол и выбросить продукты жизнедеятельности прямо в окно. Меня она временами еще узнавала, но вот про зятя и детей больше не вспоминала. И в этом я видела единственный плюс нашего положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.